

Алексей Богданов: «Эрмитаж хорош тем, что очень многогранен»

Алексей Богданов: «Эрмитаж хорош тем, что очень многогранен»

Санкт-Петербургский Эрмитаж — место, где побывать, наверное, мечтает каждый. Люди стремятся в наш город со всего света, чтобы, в том числе, посетить один из главных музеев мира. А мы живём рядом с этим сокровищем и, признаться, не особенно благоговеем перед ним. Хотя могли бы хоть каждый день бродить по овеянным историей, наполненным чудесными творениями человеческих рук залам. Впитывать красоту, наслаждаться лучшими проявлениями таланта — излучающими мудрость, свет, глубину, исцеляющими душу.

А кто-то ходит в Эрмитаж, как на работу. Хотя почему «как», ходит именно на работу. Каждый день проводит в окружении красоты, в осознании того, что именно ты отвечаешь за то, чтобы сохранить её потомкам... Не всем так повезло! Впрочем, политехникам всё-таки повезло, потому что Эрмитаж — давний партнёр нашего университета. А иметь такого друга значит и самому быть причастным к великому искусству и вечным ценностям.

Ещё в 2016 году вуз и музей заключили [соглашение о сотрудничестве](#), а в декабре 2023 года [обновили его](#), чтобы закрепить имеющийся опыт и добавить новые направления. Это только на поверхностный взгляд кажется, что наука и искусство — разные сферы, далёкие друг от друга. На самом деле, творческий поиск, умноженный на озарение, рождает и открытия, и шедевры. И зачастую открытия помогают сберечь шедевры, а шедевры вдохновляют на новые открытия. Всё взаимосвязано.

Таковыми соображениями, наверное, и руководствовались инициаторы партнёрских отношений Политеха и Эрмитажа. Один из тех, кто и восемь лет назад, и сейчас поддерживал сотрудничество двух уважаемых организаций, — заместитель генерального директора Эрмитажа по эксплуатации Алексей Богданов. Он же преподаватель Высшей школы прикладной физики и космических технологий СПбПУ. На недавнем Учёном совете за значительный вклад в развитие сотрудничества между Государственным Эрмитажем и Политехническим университетом Алексея Валентиновича наградили благодарностью и памятной медалью. Сегодня Алексей Богданов — гость нашей рубрики «Персона». В интервью он рассказал, как оказался в Политехе, какими вопросами ведаёт в Эрмитаже, а ещё читатели узнают, где проводит отпуск человек, работающий во дворце.

— Алексей Валентинович, когда и как вы пришли на работу в Политех?

— Я окончил дневное отделение в Ленинградском институте связи имени Бонч-Бруевича, распределился на работу в Эрмитаж. Потом получил второе образование на вечернем отделении в ЛЭТИ имени Ульянова-Ленина. Тематика моей работы тогда была связана с системами охранно-пожарной сигнализации. Я узнал, что их производит компания «Аргус Спектр», которую на базе Политеха создал его выпускник и сотрудник Сергей Анатольевич Левчук. Так я познакомился сначала с ним, а потом с [Сергеем Борисовичем Макаровым](#) (профессор Высшей школы прикладной физики и космических технологий — прим. авт.). И он мне предложил читать лекции студентам Политеха. Это было больше 20 лет назад.

— А с тех пор вы читаете лекции в университете?

— Не так. Не я читаю в университете, а студенты приезжают к нам в Реставрационно-хранительский центр «Старая Деревня». И это не лекции в классическом понимании, когда я начитываю какой-то материал, а студенты конспектируют и потом сдают экзамен, это немножко другое. Курс называется «Радиоэлектронные средства охранной сигнализации». И у меня задача — показать ребятам, как практически применяется то, что они выучили в теории. Вот для чего им все эти ряды Фурье и оператор Лапласа, что с этим делать? Зачем они теорию сигналов изучают? Как это потом работает, как это применимо? Вот это я им рассказываю, потому что, учась

в университете, они получают чистую теорию, не очень понимая, что происходит на производстве. Знания нужны не сами по себе, а чтобы применять их на практике. Ради этого мы и затеяли такие лекции. Половину часов я рассказываю, а половину просто вожу ребят по хранилищу, показываю компьютерные системы безопасности, кондиционирования, управления зданием.

— То, что называется практико-ориентированное обучение.

— Да. И именно за это, насколько я понимаю, в своё время отвечал Макаров ещё когда был радиофизический факультет, а не Высшая школа прикладной физики и космических технологий. Вот тогда Сергей Борисович это придумал и уговорил меня этим заняться. И ещё я пытаюсь научить студентов думать, потому что, к сожалению, школьная система сегодня — тестовая. Мы имеем дело с поколением ЕГЭ. Дети отучились мыслить, они привыкли выбирать правильный ответ, а я их пытаюсь заставить рассуждать.

— Я так понимаю, у вас учился Кирилл Тамбовцев, который теперь работает в Эрмитаже.

— У меня работают семь моих выпускников, а всего из Политеха в Эрмитаже трудятся 40 человек.

— В декабре подписано соглашение о сотрудничестве, которое открыло новые возможности. Эта идея от вас исходила или от Политеха?

— Это уже второе соглашение. Идея исходила от меня, и очень много здесь сделал Кирилл Тамбовцев. Это соглашение решает две задачи. Первая — мы можем внести свой вклад в то, чтобы современные инженеры обладали не только техническими знаниями, но и были культурно образованными. А вторая — Политех, благодаря своей лабораторной базе, может внести вклад в необходимые Эрмитажу исследования. У нас есть оборудование — хроматомасс-спектрометры, фурье-спектрометры, у нас сейчас будет магниторезонансный томограф, электронный микроскоп, но существует оборудование, которого у нас нет и приобретать его невыгодно — слишком редко используется. И если нужно раз в год провести какую-нибудь фурье-спектрометрию, мы экспонат привезём и сделаем у вас. То есть нам интересна возможность воспользоваться уникальной техникой, которой у нас может не оказаться. В основном это требуется либо для датирования, либо для атрибуции экспонатов.

— Но вы пока не изучали материальную базу, что есть и для чего?

— Почему, изучали. Политех провёл несколько экскурсий, показывая, какое оборудование имеется в лабораториях.

— Есть уже планы по реставрации экспонатов?

— По реставрации нет, но мы с Политехом сделали несколько проектов. Один из них — «Машинное зрение», по сути, это создание системы позиционирования в музее. Многие теряются в Эрмитаже. Хорошо было бы открыть телефон и понять, где ты находишься, включить навигацию. Wi-Fi в музее есть, но как позиционирование он не может работать. Чтобы с его помощью сделать нормальную локацию, нужно иметь в зале три точки доступа. А у нас 300 залов, значит нужна тысяча точек Wi-Fi. Это очень дорого. Мы пробовали блютуз-метки — тоже плохо, а вот машинное зрение хорошо отработало. Это когда вы с телефоном прошли по залам, записали облако точек, а потом просто включили картинку зала — и система распознаёт его. С одной стороны, всё очень просто, с другой — это большая математика. И Политех это сделал. Система работает, но сегодня она слишком дорогая, мы пока её не в состоянии запустить, но мы поняли, как это может работать, значит, остался вопрос денег.

— Это приложение какое-то надо будет устанавливать?

— Нет, даже не приложение. Там, конечно, подгружается программка в телефон, она достаточно маленькая, потому что если вы будете обрабатывать телефоном такие

масштабы, то это очень долго. Там есть свои хитрости, но, по сути, приложением это назвать нельзя, вы просто включаете телефон, и он показывает, где вы. Ещё мы экспериментировали со сканированием залов, мы всё время что-то исследуем. Что-то получается, что-то нет, что-то применимо, что-то не применимо, но, как в любой науке, отрицательный результат — это тоже результат.

— 230 тысяч квадратных метров составляет площадь Эрмитажа. Сколько нужно времени человеку, чтобы обойти все залы? И реально ли это сделать за один день?

— 230 тысяч — это площадь не залов, а вообще всех помещений, в том числе служебных, технических, куда никакой посетитель не попадёт. Площадь залов меньше, и чтобы их все просто обойти, потребуется, наверное, часов пять. Если вы будете останавливаться у каждого экспоната, ну, это займёт уже месяцы, может быть, годы.

— Вы сами всё осмотрели за время работы?

— Я был во всех помещениях музея и потратил на это три года. Не потому, что я только этим и занимался, а просто в течение трёх лет я пытался попасть во все помещения. Я делал это сознательно и прямо на плане помечал: сделано, выполнено. Сейчас будем проводить инвентаризацию помещений, буду опять этим заниматься.

— А у вас какой зал самый любимый?

— Сейчас тот, где картины Лоррена. А завтра может быть какой-то другой. Ведь Эрмитаж тем хорош, что он очень многогранен. И вам, в зависимости от вашего настроения или внутреннего ощущения, сегодня один зал подходит, завтра другой. Принципиально я люблю изображения каких-то древних развалин, пейзажи Лоррена, Пуссена. Но это не всегда так. Иногда я пойду к совершенно другой картине. Я помню, нам привозили выставку из собрания Тиссена-Борнемисы, там была абстрактная какая-то вещь, которую я даже описать вам не могу. Ну, условно, жёлто-чёрная клякса на белом листе бумаги.

— Современное искусство?

— Да. И я прямо оторваться от неё не мог. Это единственный экспонат из современного искусства за огромное количество выставок, который меня зацепил. Я не могу объяснить, что там изображено. Но, видимо, просто совпало настроение в этот момент. То же самое и с остальными. Когда-то хочется посмотреть Китай и Индию, когда-то Ирак, когда-то античное искусство, когда-то скульптуру, когда-то золото.

— А кладовые где располагаются? На Старой деревне всё хранится, все экспонаты, которые не выставлены, или здесь тоже где-то в подвалах?

— Пока у нас не было фондохранилища, всё хранилось здесь. Сейчас часть переехала туда, часть ещё здесь. И всё не переедет.

— А не планируется ли создание какого-то культурного центра в Политехе, типа филиала Эрмитажа? Что-то совместно с музеем нашим, может быть?

— Центр не планируется, а с музеем мы контактируем, я даже внёс деньги в [эндаумент-фонд](#) музея.

— Видела, что вы занимаете 4-е место в рейтинге «Культура и образование» одного владивостокского бизнес-портала, 2-е место в рейтинге «Заместитель генерального директора» и 43-е место (из 316) в рейтинге «Владивостокские персоналии», что тоже немало, учитывая, что вы вообще-то петербуржец. Вас хорошо знают там благодаря открытию филиала Эрмитажа во Владивостоке?

— У нас нет филиалов, в отличие от других музеев. Мы строим центры Эрмитажа. Центр «Эрмитаж-Урал», Центр «Эрмитаж-Сибирь», Центр «Эрмитаж-Казань», Центр «Эрмитаж-Владивосток». В чём принципиальная разница между филиалом и центром? Филиал — подчинённая метрополии структура, его содержит центральный музей. Если бы у нас был филиал во Владивостоке, у нас было бы там штатное расписание, мы бы платили зарплату и тому подобное. Так происходит у всех музеев, кроме нас. У нас — центр, который мы не содержим никоим образом, и де-юре мы не имеем к нему никакого отношения, кроме договора о сотрудничестве. Наша обязанность — сделать там две выставки в год. Как правило, центр Эрмитажа существует на базе какого-либо художественного музея, галереи. И именно музей владеет этим зданием или залом. Мы туда привозим выставки, но деньги от продажи билетов получает тот музей, который этим командует. Мы только несём затраты на подготовку к перевозке.

— Какие центры сейчас уже действуют?

— Первый появился в Казани, потом в Екатеринбурге («Эрмитаж-Урал»), потом «Эрмитаж-Выборг» и «Эрмитаж-Сибирь» в Омске. Сейчас строятся в Калуге, Нальчике,

Владивостоке. В сентябре откроется в Оренбурге. Сегодня уже нет центра в Амстердаме. Он поменял название и не имеет отношения к Эрмитажу.

— Вы лично занимаетесь этими центрами, и вам приходится ездить по всей стране?

— А что тут ездить? Подумаешь, во Владивосток девять с половиной часов лететь. Езжу, да. Кроме этого, строится же ещё четыре больших музейно-театральных кластера, и один из них тоже во Владивостоке. Там возводится большое здание, там будет вторая Мариинка во Владивостоке, музейный комплекс — Третьякова, Эрмитаж, и Институт сценических искусств. Уверен, что в следующем году его уже откроют. На острове Русский построили жилые дома, интернат для того, чтобы можно было приглашать людей поработать на месяц. Мы сейчас живем две-три недели в гостинице, а так можно будет жить в квартире.

— Это здорово. Сколько раз вы уже там были за это время?

— Раз двадцать, наверное. Однажды два раза за одну неделю летал.

— Интересная жизнь. А чем ещё вы занимаетесь в Эрмитаже?

— На мне вся инженерия и содержание музея. У меня 11 отделов: энергетика, механика, сигнализация, хозчасть, гараж, пожарная безопасность, информационная безопасность, отдел эксплуатации фондохранилища, Главного штаба и Меншиковского дворца. У меня 480 сотрудников, а всего в Эрмитаже две с половиной тысячи.

— Я смотрю, у вас пластиковое окно в кабинете, а ведь нельзя такие ставить в исторических зданиях?

— Это единственное окошко, экспериментальное. Пластиковое изнутри, но снаружи деревянное. На внешнюю сторону нельзя ставить стеклопакет, потому что он меняет облик здания. Если вы будете смотреть на него под острым углом, стеклопакет будет казаться чёрным, как экран телевизора.

— А деревянные рамы как сохраняются?

— У нас есть целая программа по реставрации окон. Их же много. Могу посмотреть, если интересно... 4633 окна.

— В здании остались стёкла со времён постройки дворца в 1754 году?

— Нет, в 1836 году пожар был, дворец сгорел. А вот с тех пор стёкла остались.

— Вы назвали количество окон. Интересно, каким будет Эрмитаж в цифрах?

— Пожалуйста, вот ещё несколько цифр. Дверей — 6100. Электричества от города мы получаем 12,8 мегаватт. У нас две газовых котельных — почти 27 мегаватт тепла сами производим. Аккумуляторных батарей больше 4000. Вентиляционных установок — 695, кондиционеров — 919, холодильных машин — 27. Ламп освещения — 78 774. Точек дистанционного управления зданиями — 31 700. Есть своя система радиосвязи, развёрнута микросотовая система внутренних телефонов. Четыре телефонные станции, 1600 компьютеров, 3000 видеокамер, 36 лифтов, больше 30 000 охранных и пожарных датчиков, 645 базовых станций Wi Fi.

— Был такой момент, когда Михаил Борисович Пиотровский пытался бороться с концертами на Дворцовой площади, чтобы они не навредили картинам...

— Что значит «пытался бороться»? Мы приняли регламент Дворцовой площади, в котором прописан допустимый уровень звука. Концерты проходят, но служба охраны труда занимается контролем уровня звука на площади и в залах, которые на неё выходят. В залах не может быть больше 85 децибел, за этим следим. На улице, конечно, больше. Мы в течение трёх лет проводили исследование воздействия звуковых колебаний на состояние картин. Могу сказать примерно следующее. Четыре четырёхчасовых концерта в год на уровне 85 децибел старят картины в два раза быстрее. То есть за год картина переживает два.

— А проходит больше четырёх концертов?

— Да, но в основном это концерты классической музыки, которые не дают такого уровня звукового давления. Самое страшное на моей памяти — это был «Пинк Флойд». Когда они продували колонки, свалилась секция металлического забора. Её сдуло.

— Детский вопрос у меня. Эрмитажные коты действительно существуют и живут в подвалах?

— Почему детский, нормальный вопрос. 80 котов и кошек действительно существуют.

Все наперечёт, с ошейниками ходят. И число их поддерживается.

— Их стерилизуют?

— Конечно, и операционная есть. Но ветеринаров в штате нет, они приезжие.

— Коты живут в подвалах, где какое-то ещё оборудование стоит?

— Нет, у них есть специальное помещение, есть бюджет на содержание животных. Мы можем подарить кота с сертификатом Эрмитажа, люди разбирают.

— У вас в кабинете среди подарков есть футбольный мяч с автографами игроков «Зенита». Вы болельщик клуба? Ходите на стадион или смотрите матчи дома?

— Я не болельщик. Я фанат с 1979 года. С 1980-го езжу за «Зенитом» в другие города и страны. Выездов, по фанатским меркам, не очень много — около сотни. Раньше много лет у меня был абонемент на «Виразж», но сейчас нет, так как мы, фанаты всех команд, протестуем против Fan ID, и «Виразж» пустой. Хожу только на матчи Кубка России, на них Fan ID не нужен.

— Вы работаете там, где люди отдыхают. А как отдыхаете вы?

— Занимался авторалли, летал на воздушном шаре, ходил в горы на Алтае, был на Земле Франца-Иосифа, в Долине гейзеров на Камчатке, в туре 2000 км по Енисею, опускался в забой на глубину 1050 метров, летал на плато Путорана, нырял на Большом барьерном рифе в Австралии, побывал на карнавале в Бразилии и водопадах в Игуасу... В Антарктиду ездил. Туда научное судно возит туристов из Аргентины, с Огненной Земли. А на Северный полюс ходил на атомном ледоколе «50 лет Победы».

— Что больше понравилось, Северный или Южный?

— На Северном нечего делать, это просто точка во льду. А на Южном много интересного: киты, морские львы, пингвины, масса птиц. Вы ночуете в палатке, а вокруг ходят пингвины.

— Вы преподаёте, кроме Политеха, ещё в СПбГУ, в Университете государственной противопожарной службы МЧС... Как вы всё успеваете?

— Есть такой анекдот. «Скажите, вот вы здесь работаете, здесь занимаетесь, ещё вот это делаете, как вы всё успеваете?» «А я и не успеваю».

— Спасибо, что нашли время на интервью!